

Андрей Ахметович Зайнулдинов
Барселонский университет, Испания
Энрике Ф. Кери Хервилья
Гранадский Университет, Испания

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ИСПАНСКИЙ

1. Введение

Языковая информация представляет собой передаваемое в разных коммуникативных целях средствами языка (или речи) содержание, отображающее не только собственно-интеллектуальные (когнитивные) понятия, суждения, умозаключения, но и эмоциональные концепты (в самом широком смысле), в которых находят отражение эмоциональные, эстетические оценки носителей языка, их побуждения и контактные устремления. По своим управляющим свойствам языковая информация не однородна: разные подсистемы языковой информации обнаруживают различный характер заданности коммуникативных свойств, влияющий на их управляющие свойства, что и предопределяет существование типологии управляющей языковой информации.

К одной из первых типологий языковой информации, созданных на коммуникативной основе, принадлежит классификация значений, предложенная в работах Айвора Ричардса [Richards, 1925, с. 118, 125, 126] и Чарлза Огдена [Ogden, Richards, 1936, с. 200]. Ричардс выделял два вида значений слов и их функций — символическое (референциальное) и эмотивное (эвокативное). Для первого типично передавать информацию; второе характеризуется целями: выразить отношения (чувства) к слушателю или к объекту (референту) и вызвать у него направленный

Данная проблема исследуется в рамках проекта “Сопоставительное изучение количественной и качественной оценки в рамках картин мира русского и испанского языков”, которая проводится при финансовой поддержке Автономной Области Андалусии (Испания).

аффект. В современном понимании данная прагматическая функция обозначается в противопоставлении номинативной как экспрессивная [Ammer, 1958; Киселева, 1978, с. 41; Calvo, 1990, с. 88–97], под которой понимается предназначенность языковых средств для воздействия на психику и поведение адресата посредством особых выразительно-изобразительных качеств. Именно экспрессивная функция определяет специфику формирования прагматического компонента значения слова.

В русском языкознании подобную типологию предложил Лев П. Якубинский, противопоставивший два видоизменения речи: речь при преобладающем влиянии эмоционального или интеллектуального момента [1986, с. 97]. При этом подчеркивается широко признаваемая в современной психологии тесная связь между такими сферами психической деятельности, такими как интеллектуальная, эмоциональная и волевая, которая находит свое выражение в существовании таких тесно взаимосвязанных видов мышления, как рациональное и эмоциональное мышление («единство аффективных и интеллектуальных процессов» [Выготский, 1956, с. 54]).

Разграничение номинативной (информативной) и прагматической подсистем языковой информации представлено также в работах по теории эмотивности и теории речевых актов. Так, употребление первого типа Чарлз Стивенсон называет дескриптивным, а употребление второго типа — динамическим [Stevenson, 1985]. Динамические употребления позволяют давать выход нашим чувствам (употребление междометий), создавать настроения (поэтическая функция речи) или побуждать людей к действиям и убеждениям (речь ораторов). Джон Серль настаивал на том, что основное различие между дескриптивным и оценочным (в широком смысле) значениям сводится к различиям в иллокутивной силе соответствующих высказываний [Searle, 1976, с. 187] и в различных целях высказывания: «цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить» [Searle, 1976, с. 183].

Прагматические подсистемы языковой информации характеризуются прагматической заданностью, нередко наряду с информативной: они предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата, они апеллируют непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту. К прагматическим подсистемам языковой информации относятся: а) экспрессивная; б) эмоциональная; в) эмоционально-оценочная; г) эстетическая; д) побудительная; е) контактная подсистемы [Киселева, 1978, с. 45].

Номинативные компоненты соотносятся с понятиями-дублетами: дескриптивное — денотативное — рациональное, и прагматические — с понятиями-дублетами экспрессивное — коннотативное — эмоциональное. Номинативный аспект семантики языка исследован глубоко и всесторонне в многочисленных работах по семантике. Прагматический аспект, несмотря на многочисленность работ, посвященных данной проблематике в российской и зарубежной лингвистике, особенно в 80-е годы, все еще требует уточнения ряда позиций, непосредственно связанных с пониманием категории коннотативности. Например, до настоящего времени не существует общепринятого понимания таких понятий, как экспрессивность, эмоциональность, эмотивность, коннотативность, аффективность, эмоциональная оценочность, хотя в последнее время уже появляются работы, обобщающие результаты предыдущих исследований, прежде всего касающиеся экспрессивности [Лукьянова, 1991].

Именно доминанта одного из типов значений определяет различие нейтральных и экспрессивных синонимов типа *кричать*//*gritar* с одной стороны, и *опать*//*chillar*, *desgañitarse*, *лаяться*//*ladrar* — с другой.

В рамках лексического значения происходит комбинация понятийно-предметного и эмоционально-оценочного содержания. Пропорция сочетания данных компонентов зависит от конкретного слова; так, эмоционально-оценочная доля может быть настолько мала, что «её речевое выражение практически следует зачислить в категорию логического языка» (терминология), но верно также и обратное: «чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю» [Bally, 1961, с. 23] (междометия).

Особая роль эмоциональной оценки проявляется и в том, что далеко не все логические оценки находят свое отражение в лингвистических единицах в плане выполнения функции выражения оценки значениями языковых единиц (см. описанное выше противопоставление номинативной и экспрессивной функций). Данное положение ограничивает круг явлений, связанных с эмоциональной оценкой, языковыми единицами, обладающими экспрессивной функцией.

В настоящей работе на материале русского и испанского языков будут проанализированы механизмы соотношения семантических категории экспрессивность, эмоциональность и оценочность в русском языке и их перевод на испанский.

2. Соотношение семантических категорий экспрессивность, эмоциональность и оценочность

Уточнение и конкретизация ряда положений, касающихся экспрессивной семантики, стало возможным в результате разграничения понятий экспрессивности, эмоциональности и оценочности. основополагающая родо-видовая зависимость категорий экспрессивности и эмоциональности впервые была выявлена в работе Евдокия М. Галкиной-Федорук [1958], дальнейшее развитие данная точка зрения получила в работах Люция А. Киселевой [1978], в соответствии с которыми категория эмоциональной оценочности является частной разновидностью категории эмоциональности: экспрессивность > эмоциональность > оценочность (эмоциональная оценочность). Подобный принцип обуславливает признание коннотативного характера эмоциональной оценки компонентом значения ЭЛЕ (экспрессивной лексической единицы) [Лукьянова, 1991, с. 12].

Согласно концепции Киселевой, слова, которые определяют моральные оценки (типа *добрый//bueno, смелый//valiente*) относятся к эмоционально-оценочным единицам, но не являются экспрессивными. С позиций автора, если указанные единицы не являются экспрессивными, то они также не являются эмоционально-оценочными. Отношения между данными компонентами строго схематизируется следующим способом: [Экспрессивность [Эмоциональность [Эмоциональная Оценка]]].

Остановимся более подробно на характеристике каждой из указанных категорий.

Общая сущность категории экспрессивности заключается в реализации установки на контрастность, необычность, нестандартность экспрессивного слова [Матвеева 1979, с. 10; Лукьянова, 1986, с. 12; Телия, 1986, с. 5]. Категория языковой экспрессивности связана с семами качественно-количественного характера: семой интенсивности, соотносением образа (внутренней формы слова) с сопутствующими представлениями; Елена М. Вольф [1985, с. 43] считает экспрессивность свойством высказывания в целом, но вводит категорию аффективности, включающую сему высокой степени интенсивности.

Эмоциональность (по отношению к высказыванию) представляет собой выражение душевного переживания, волнения говорящего (чувства, побуждения).

Нельзя не согласиться с Анной Вежбицкой, считающей эмоциональность одной из наиболее важных семантических характеристик, образующие смысловой универсум русского языка. При этом под

эмоциональностью понимается «ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [Вежбицкая, 1996, с. 33–34]. В целом можно говорить о специфике русского языка, в котором, по сравнению, например, с английским или испанским языками, уделяется гораздо большее внимание выражению эмоций, и имеется значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения. Данная специфика, возможно, выделяет русский язык также среди близкородственных славянских языков [Вежбицкая, 1996, с. 44, 54].

Эмоциональность может быть ингерентной (языковой, узуальной) и адгерентной (речевой, ситуативной). В случае ингерентной эмоциональности значение установлено и общепринято: *фу* — ‘междометие, выражает упрек, гнев, отвращение’ (СО) переводится на испанский как *¡venga ya!*, когда выражает упрек или гнев, или как *¡Qué asco!*, когда выражает отвращение. В случае адгерентной эмоциональности значение индивидуально и целиком определено контекстом: *увы* в контексте *Увы, опять выиграл в лотерею! // ¡Vaya, otra vez me ha tocado la lotería!* с шутливым смыслом; ср. *увы* — ‘междометие, выражающее огорчение, жалость’ (СО).

С нашей точки зрения, к эмоциональным единицам должны относиться единицы экспрессивные, но не оценочные, выражающие разные эмоции своими языковыми значениями. К подобным единицам относятся общеэкспрессивные междометия типа *Увы!!!/¡Vaya!, Ax!!!/¡Vaya!* или *¡Joder!* в противопоставлении оценочным междометиям положительного спектра *Браво!!!/¡Bravo!, Ура!!!/¡Hurra!* и отрицательного *Фу!!!/¡Qué asco!* (в случае отрицательной оценки отвращение не вписывается в схему традиционных значений: неодобрения, пренебрежения, презрения и прочего).

Взаимосвязь категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности определяет критерии выделения эмоционально-оценочных единиц, к которым относятся:

1) наличие образности (метафорического характера) — *золото//oro, лаяться//ladrar, осел//burro*;

2) наличие высокой степени интенсивности выражаемого признака — *исключительный//extraordinario, великий//gran, туман//titán, виртуоз//virtuoso*;

3) соотнесение с выражением оценочных эмоций (в том числе высокой степени интенсивности) — *милый//querido, восхижительный//admirable; отвратительный//asqueroso*;

4) немотивированность звукового облика, а также лексического значения внутренней формой слова — *симпомпончик//belleza/bombón, тюха//ignorante/tonto de remate, абракадабра//tontería*;

5) наличие словообразовательных аффиксов, обладающих собственной эмоциональной оценкой — *сыночек//hijito, денечек//díita*.

Таким образом, под эмоциональной оценкой понимается «интеллектуальная оценка кого-, чего-либо, как бы пропущенная сквозь эмоциональную призму человеческой психики» [Киселева 1978, с. 17], реализуемая в модификациях положительного и отрицательного спектра.

3. Виды положительной и отрицательной эмоциональной оценки

Авторами выделены виды положительной эмоциональной оценки, при этом впервые выделяется дружелюбное отношение как самостоятельный вид эмоциональной оценочности:

— дружелюбное отношение: *дружище* — «(разг.) друж. Дружеское обращение» переводится на испанский: *amigo, querido amigo; кореш* — «(разг.) друж. близкий друг, приятель» переводится на испанский: *amigo, colega*;

— ласковое отношение (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности): *лапушка* — «(разг.) ласк. ласковое обращение (чаще к женщине)» переводится на испанский: *caríño, encanto, guara; мамочка* — «(разг.) ласк. мама, мать» переводится на испанский: *mamá, mamá*;

— одобрение: *железный* — «одобр. перен. сильный, крепкий» переводится на испанский: *muy fuerte*; *огурчик* — «(разг.) одобр. о ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид» переводится на испанский: *tener muy buen aspecto, estar como una rosa, estar sano como una manzana, estar hecho una preciosidad*;

— восхищение (разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности): *замечательный* — «(разг.) восх. исключительный по своим достоинствам, выдающийся» переводится на испанский: *extraordinario*; *жемчужина* — «(высок. и разг.) восх. перен. тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л.» переводится на испанский: *joya, maravilla*.

Отрицательная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как:

— неодобрение: *окрошка* — «(разг.) неодобр. перен. беспорядочная смесь» переводится на испанский: *sasaо, refrito, lío, porrutí*.

— крайнее неодобрение (разница по сравнению с неодобрением в интенсивности): *осёл* — «(разг. бран.) крайнее неодобр. перен. о тупом

упрямце, глупце» переводится на испанский: *burro, tonto; абракадабра* — «крайнее неодобр. бессмысленный, непонятный набор слов». переводится на испанский: *tontería, disparate;*

— пренебрежение (наличествует позиция сверху вниз со стороны субъекта оценки): *пентюх* — «(прост./разг. бран.) пренебр. неуклюжий человек, увалень» переводится на испанский: *torpe, inútil;*

— презрение (разница по сравнению с пренебрежением в интенсивности): *баба* — «(разг.) презр. перен. о робком слабохарактерном мужчине, мальчике» переводится на испанский: *mariquita, señorita;*

— уничижение (дополнительная семантика умаления объекта оценивания): *мужичишка* — «(разг.) пренебр. уничиж. к *мужику*» переводится на испанский: *tipo insignificante, mequetrefe.*

Характерными признаками категории оценочности признаются: соответствие качеств предмета оценки ценностным критериям, ее субъективный характер, общественная значимость, теснейшая взаимосвязь с категорией эмоциональности. Невыводимость оценочной семантики из номинативного компонента значения лексем представляет собой характерную черту данной лексической подсистемы, определяет маркированность лексических единиц с эмоциональной оценкой.

Если исходить из предположения, что эмоциональная оценка заключается только в коннотативном компоненте значения, слова типа *прекрасный//precioso, удивительный//increíble, sorprendente* относятся к аффективным, так как семантики интенсивности заключена в денотативном компоненте значения (Вольф, Телия). Авторы разделяют точку зрения, согласно которой наличие семы интенсивности в денотативном компоненте значения не препятствует отнесению подобных единиц к эмоционально-оценочным.

4. Принципы для сопоставительного анализа эмоциональной оценочной лексики

По нашему мнению, при проведении сравнительного анализа слов, отражающих оценочные значения, следует придерживаться следующих параметров:

1. Тип оценочного значения: положительное, или отрицательное.
2. Место, которое занимает оценочное слово в шкале типов анализируемых оценочных значений. Т.е. нужно определить вид эмоциональной оценки.
3. Отнесённость оцениваемого объекта, выраженного существительным, к той или иной стороне действительности. В этом случае надо

заметить, что язык бывает «капризен»: совсем необязательно, чтобы оценочное слово можно приложить к одной и той же стороне действительности в русском и испанском языках.

4. Частота употребления наиболее приемлемого языкового эквивалента слова с оценочным суждением по отношению к отображаемой им действительности как в переводе, так и в оригинале.

5. Стиль: нейтральный, литературный, высокий, низкий, и т.д.

Исходя из анализа этих параметров в приложении к языку оригинала, мы можем выбрать оптимальный вариант перевода лексемы со значением оценки на другой язык. В данной работе на основании обозначенных выше параметров будут проанализированы способы перевода существительных и прилагательных, выражающих эмоциональную оценку, с русского языка на испанский.

5. Структура словарной статьи русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики

В рамках огромного многообразия словарей различного типа, представленных в современной лексикографической практике, авторами предложен тип словаря, посвященный выражению эмоциональной оценки как разновидности прагматической языковой информации, *Русско-испанский словарь эмоционально-оценочной лексики*. В настоящем словаре анализируются лексические единицы, выражающие тот или иной вид эмоциональной оценки. При этом лексические единицы включают жаргонные слова и значения, что позволяет представить потенциальное развитие оценочной семантики данного лексического пласта. Источниками языкового материала русского языка послужили словарные иллюстрации толковых словарей: *Словаря русского языка* Ожегова, *Толкового словаря русского языка* Ушакова, *Словаря современного русского литературного языка* в 17 томах, *Словаря русского языка* в 4 томах, *Толкового словаря русского языка конца 20 века*; *Словаря московского арго: материалы 1980–1994 г.* Елистратова, *Этимологического словаря русского языка* Фасмера а также цитаты произведений русской художественной литературы и публицистики.

Посмотрим структуру словарной статьи *Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики*. В одну статью сводятся:

- 1) принадлежность слова к той или иной грамматической категории;
- 2) стилистические пометы;
- 3) вид эмоционально-оценочной пометы;

- 4) описание значений лексической единицы;
- 5) эквивалент в испанском языке;
- 6) перевод примера с русского языка на испанский;
- 7) первоначальное значение лексической единицы.

Тип и вид эмоциональной оценки	Примеры из Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики
положительная	
дружелюбное отношение	<p>ДРУЖИЩЕ — 1. сущ. м. 2. разг. 3. друж. 4. Дружелюбное обращение к лицу мужского пола. 5. Amigo, querido amigo 6. <i>Дружище, дай закурить!</i> // ¡Amigo, dame un cigarro!; <i>Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище</i> // Oye, amigo, dicen que eres un cantante buenísimo (Крылов: <i>Осел и Соловей</i>); <i>Книга, дружище, как хороший сад, где всё есть, и приятное, и полезное</i> // Un libro, querido amigo, es como un buen jardín donde hay de todo: cosas buenas y útiles, y agradables (Горький: <i>В людях</i>);</p> <p>КОРЕШ — 1. сущ. м. 2. разг. 3. друж. 4. Близкий друг, приятель. 5. Amigo, colega. 6. <i>Кореш, помоги!</i> // Amigo, ayúdame; <i>На Новый год думаю с одним корешем съездить в Архангельск</i> // Creo que voy a ir a pasar el año nuevo con un colega a Arxangel'sk (Абрамов: <i>Две зимы и три лета</i>).</p>
ласковое отношение	<p>ЛАПУШКА — 1. сущ. м. и ж. 2. разг. 3. ласк. 4. Ласковое обращение (чаще к женщине). 5. Cariño, encanto, guara. 6. <i>(Кочкарев:) Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь я стану на колени перед тобой?</i> // ¡(Konkarev) Ivan Kuzmič! ¡cariño! ¿Es que quieres que me arrodille ante ti? (Гоголь: <i>Женитьба</i>);</p> <p>МАМОЧКА — 1. сущ. ж. 2. прост./разг. 3. ласк. 4. Мама, мать. 5. mamá, mami, mamáita. 6. <i>Мамочка, как я рад тебя видеть!</i> // Mamá, ¡Qué contento estoy de verte!</p>
одобрение	<p>АДОНИС — 1. сущ. м. 2. поэт. 3. одобр. перен. 4. Об очень красивом молодом человеке. 5. Adonis. 6. <i>Вот это красавец! Настоящий Адонис!</i> // ¡Qué tío tan guapo! Es un auténtico Adonis.</p> <p>7. Первоначально: в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный Афродиты.</p>

одобрение	<p>ЖЕЛЕЗНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) — 1. прил. 2. разг. 3. одобр. перен. 4. Сильный, крепкий. 5. muy fuerte, de hierro 6. <i>Железное здоровье // Salud de hierro; Железный человек//persona muy fuerte. И хотя его (Мересьева) железный организм легко перенёс мастерски сделанную ампутацию, он заметно слабел // Y a pesar de que su salud de hierro le hizo superar bien la amputación que le hicieron, él estaba cada vez más débil (Полевой: Повесть о настоящем человеке);</i></p> <p>7. Первоначально: сделанный из серебристо-белого металла, главной составной части чугуна и стали.</p> <p>ОГУРЧИК — 1. сущ. м. 2. разг. 3. одобр. 4. О ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид. 5. Tener muy buen aspecto, estar como una rosa, estar hecho una preciosidad 6. <i>Лошади у него раздобрили; выхолил он их — такие огурчики стали — загляденье! // Sus caballos han engordado; parece que los ha cuidado bien. ¡Tienen un aspecto estupendo! (¡Están sanos como una manzana!) (Тургенев: Старые портреты).</i></p> <p>7. Первоначально: (уменьш. разг.) огородное растение семейства тыквенных с продолговатым зелёным плодом.</p>
восхищение	<p>ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) — 1. прил. 2. разг. 3. восх. 4. Исключительный по своим достоинствам, выдающийся. 5. Extraordinario, excepcional 6. <i>Замечательный писатель // Extraordinario escritor; Замечательное достижение // Extraordinario logro; От своих учеников, а особенно учениц, он был в восторге и говорил, что подрастает теперь замечательное поколение // Estaba entusiasmado con sus discípulos, particularmente con las de sexo femenino, y decía que ahora contamos con una generación excepcional (Чехов: Три года)</i></p> <p>7. Первоначально: исключительный, чрезвычайный.</p> <p>ЖЕМЧУЖИНА — 1. сущ. ж. чего или какая. 2. высок. и разг. 3. восх. перен. 4. Тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л. 5. Joya, maravilla. 6. <i>Жемчужина русской поэзии // Es una joya de la poesía rusa; Архитектурная жемчужина // Una joya de la arquitectura; (Граф:) Вам грешно оставаться здесь. Я не потерплю, чтобы такая жемчужина пропала в глуши // (Граф:) Es un pecado que se quede aquí. No voy a consentir que una joya de ese calibre pase desapercibida (Тургенев: Провинциалка).</i></p> <p>7. Первоначально: (ж.) одно зерно жемчуга.</p>

отрицательная	
неодобрение	<p>ОКРОШКА — 1. сущ. ж. 2. разг. 3. неодобр. перен. 4. Беспорядочная смесь 5. Mezcolanza, sacao, refrito, lío, popurrí. 6. <i>Окрошка из чужих мыслей // Un refrito de ideas de otros; В сущности, получалась какая-то окрошка из всевозможных стилей // En realidad, resultaba ser una mezcla de todos los estilos existentes (Мамин-Сибиряк: Падающие звёзды); Я столько просмотрел всяких учебников, что в голове у меня образовалась настоящая окрошка // He visto tantos manuales que me he hecho un auténtico lío/sacao (Авдеев: «Зайцем» на Парнас);</i></p> <p>7. Первоначально: холодное кушанье из кваса с разной зеленью и мелко нарубленным мясом или рыбой.</p> <p>НОЖ — 1. Нож в спину кому. 2. разг. 3. неодобр. 4. Коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо. 5. <i>Dar una puñalada por la espalda, dar una puñalada trarera.</i> 6.: <i>Прайс спокойно вынул пистолет и выстрелил (в себя)... Никольсен был возмущен до глубины души. — Это удар по духу, по дисциплине! Ещё одна, последняя подлость Прайса! Нож в спину! Зачем? Так оскорбить всех // Prajs sacó tranquilamente la pistola y se disparó... Nikolsen estaba realmente ofuscado. Menudo golpe de efecto a la moral, a la disciplina. Una putada más, la última de Prajs. Una puñalada por la espalda. Hay que tener cojones para ofender a todo el mundo de esa forma... Y, ¿para qué? (Задорнов: Война за океан).</i></p>
крайнее неодобрение	<p>ОСЁЛ — 1. сущ. м. 2. разг. бран. 3. крайнее неодобр. перен. 4. О тупом упрямце, глупце 5. Burro, tonto, imbécil 6. <i>Этому ослу ничего не докажешь // A ese burro no le vas a poder demostrar nada; Вот, например, у нас голова — совершенный осёл! Тупица непроходимая! // Mira, por ejemplo, nuestro alcalde: es un imbécil (burro). ¡Un tonto de remate! (Тургенев: Новь).</i></p> <p>7. Первоначально: животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами.</p> <p>АБРАКАДАБРА — 1. сущ. ж. 2. разг. 3. крайнее неодобр. 4. Бессмысленный, непонятный набор слов. 5. Disparate, tontería. 6. <i>Это какая-то явная абракадабра // Es un auténtico disparate; Ну, вы уж понесли какую-то абракадабру, — сказала Вера Никандровна // Déjese de tonterías — dijo Vera Nikandrovna (Федин: Необыкновенное лето)</i></p> <p>7. Первоначально: таинственное персидское слово, служившее спасительным магическим заклинанием.</p>

пренебрежение	<p>ПЕНТЮХ — А. 1. сущ. м. 2. прост./разг. бран. 3. пренебр. 4. Неуклюжий человек, увальень. 5. torpe, inútil 6. — <i>А русскую хорошо пляшешь? Не умеешь? Ах, ты, пентюх! // ¿Es que no sabes bailar kalinka? ¡Pero qué torpe eres!</i> (Мамин-Сибиряк: <i>Хлеб</i>).</p> <p>В. 1. сущ. м. 2. прост./разг. бран. 3. пренебр. 4. Медленно соображающий, непонятливый человек. 5. Tonto, persona que está en las nubes. 6. <i>Какой ты пентюх! Не предупредил заранее... Мы бы её (девушку) обязательно сюда на автомобиле доставили // ¡Pero qué tonto eres! No avisaste con antelación. Nosotros hubiéramos traído a su novia en coche sin ningún problema</i> (Саянов: <i>Небо и земля</i>).</p> <p>6. Образовано от: укр. ‘пень или брюхо, внутренности’ (Фасмер).</p> <p>ТЮХА — 1. Тюха-матюха 2. прост. 3. пренебр. 4. Простофиля, фофан, пентюх. 5. ignorante, tonto de remate 6. <i>Читал газету за десятое число?... — Нет. А что? — Что, что! Вот уж тюха-матюха. Земля перевернется, а ты и знать не будешь // ¿Has leído el periódico del día diez? — No. ¿Y qué? — ¡Cómo que qué! ¡Qué ignorante! Se te cae el cielo encima y ni te enteras</i> (Абрамов: <i>Две зимы и три лета</i>);</p>
презрение	<p>БАБА — 1. сущ. ж. 2. разг. 3. презр. перен. 4. о робком слабохарактерном мужчине, мальчике. 5. Mariquita. 6. (Паратов:) <i>Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий // (Paratov) Si un hombre llora lo llaman mariquita, y ese es el peor calificativo que puede generar la mente humana (y eso es lo peor que le puedes decir)</i> (А. Островский: <i>Бесприданница</i>).</p> <p>7. Первоначально: (прост.) замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья.</p>
уничижение	<p>МУЖИЧИШКА — 1. сущ. м. 2. прост./разг. 3. пренебр. уничиж. 4. мужчина. 5. tipo insignificante, mequetrefe. 6. (Михаил Кузьмич) <i>был неказистый с виду мужчишка: низенький, сухонький // (Mikhail Kuzmič) Era un tipo insignificante de aspecto poco agraciado: bajito y delgadito</i> (Крутилин: <i>За косогором</i>).</p>

	<p>НИЧТОЖНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) — 1. прил. 2. прост./разг. 3. пренебр. уничиж. 4. Совершенно незначительный по роли, внутреннему содержанию; не внушающий к себе уважения, мелкий. 5. insignificante, irrelevante, mezquino. 6. <i>Ничтожная роль</i> // Papel insignificante; <i>Ничтожная личность</i> // <i>personalidad irrelevante</i>; <i>Что-то в самой глубине души смутно и глухо шептало ей, что она мелкая, пошлая, дрянная, ничтожная женщина.</i> // Algo en el fondo de su corazón le susurraba de forma confusa y vaga que era una mujer mezquina, vulgar, ruin e insignificante (Чехов: <i>Дуэль</i>). 7. Первоначально: очень малый, незначительный по количеству.</p>
--	--

6. Заключение

В настоящей работе мы взяли для исследования ту эмоционально окрашенную лексику, которая подразделяется на группы с положительной или отрицательной оценкой в общей системе оценочных лингвистических средств, выбранной нами лексико-семантической категории, встречающихся в русской и испанской речи. Проведенный анализ показал сложность лексикографической эмоционально-оценочной маркировки эмоциональной лексики, в связи с синкретичным характером ее семантики.

Безусловно, детальный анализ терминологического аппарата предлагаемого *Русско-испанского словаря эмоционально-оценочной лексики* выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее изложенное здесь позволило ввести и определить некоторые семантические различия лексических единиц в аспекте прагмалингвистики, что может быть использовано в практике лексикографического описания (одноязычных и двуязычных словарей), а также при преподавании русской лексикологии и практической стилистики на продвинутых этапах обучения русскому языку испаноговорящим.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Н.Д. Арутюнова: *Типы языковых значений*. Москва 1988.
 Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва 1998.
 Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев: *Языковая концептуализация мира*. Москва 1997.
 Ш. Балли: *Французская стилистика*. Москва: Иностранная литература 1961.
 А. Вежицкая: *Русский язык*. В кн.: *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари 1996, с. 33–88.
 Е.М. Вольф: *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука 1985.

- Л.С. Выготский: *Мышление и речь*. В кн.: того же: *Избранные психологические исследования*. Москва: Изд. АПН РСФСР 1956.
- Е.М. Галкина-Федорук: *Об экспрессивности и эмоциональности в языке*. В кн.: *Сборник статей по языкознанию*. Москва: Изд-во МГУ 1958, с. 103–124.
- Л.А. Киселёва: *Вопросы теории речевого воздействия*. Ленинград: Изд-во ЛГУ 1978.
- Н.А. Лукьянова: *Категории слова. Экспрессивность как семантическая категория*. В кн.: *Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Межвузовский сборник научных статей*. Отв. редактор Н.А. Лукьянова. Новосибирск: Изд. НГУ 1991, с. 3–23.
- Н.А. Лукьянова: *Когнитивные источники образных слов*. В кн.: *Сибирский филологический журнал 2003 Научное издание*. Новосибирск: Изд. НГУ 2003, № 3–4, с. 169–186.
- Н.А. Лукьянова: *Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики)*. Новосибирск: Наука 1986.
- Т.В. Матвеева: *Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала)*. Автореферат дис... канд. филол. наук. Томск 1979.
- А.А. Потебня: *Мысль и язык. Собрание трудов*. Москва Лабиринт 1999.
- Ч. Стивенсон: *Некоторые прагматические аспекты значения*. «Новое в зарубежной лингвистике» Москва. Вып. 16, с. 8–42.
- В.Н. Телия: *Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и прагматике. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц*. В кн.: *Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности*. Москва: Наука 1991, с. 5–66.
- В.Н. Телия: *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука 1986.
- Л.П. Якубинский: *Избранные работы. Язык и его функционирование*. Москва: Наука 1986.
- K. Ammer: *Einführung in die Sprachwissenschaft*. Bd.1. M. Niemeyer Halle (Saale) 1958.
- M. Black: *Models and Metaphors*. В кн.: *Studies in Language and Philosophy*. Ithaca, N.Y. 1962, с. 25–47.
- A.G. Calvo: *Hablando de lo que habla: Estudios de lenguaje*. Madrid: Editorial Lucina 1990.
- G. Lakoff, M. Johnson: *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press 1980
- G. Lakoff: *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press 1987.
- C.A. Ogden, J.A. Richards: *The meaning of meaning*. London 1936.
- G. Pastor: *Manuel de fraseología española*. Madrid: Gredos 1996.
- I.A. Richards: *Principles of literary criticism*. New York 1925.
- J. Searle: *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge 1976.

Andrei Zainuldinov, Enrique F. Quero Gervilla

SEMANTIC CATEGORIES EXPRESSIVENESS, EMOTIONALITY AND EVALUATION:
MEANS OF TRANSLATION FROM RUSSIAN TO SPANISH

Summary

A large part of our communicative activity consists of making statements which include some kind of evaluation, rather than purely descriptive statements. Speakers use linguistic

means to express evaluation when they need to transmit what they think about objects and events surrounding them. The present article starts from the hypothesis that expressiveness, emotion and emotional valuation can be defined in a systematic way. Subsequently, the authors identify the characteristics of emotional vocabulary which should be taken into account both in lexicographical description and for possible application in automatic translation. The article thus establishes the bases for undertaking a contrastive analysis of evaluative vocabulary in general, and further proposes a contrastive analysis of lexical items in Russian and Spanish which reflect a negative or positive evaluation of objects and events.

Andriei Zajmuldinow, Enrique F. Quero Gervilla

SPOSOBY TŁUMACZENIA SEMANTYCZNYCH KATEGORII EKSPRESYWNOŚCI,
EMOCJONALNOŚCI I OCENY Z JĘZYKA ROSYJSKIEGO NA HISZPAŃSKI

Streszczenie

Znaczna część komunikacyjnej aktywności polega na artykułowaniu stwierdzeń, które zawierają jakiś rodzaj oceny, a nie tylko przynoszą stwierdzenia opisowe. Mówiacy, kiedy mają potrzebę zamianifestowania tego, co myślą o obiektach zdarzeniach, które ich otaczają, używają znaczeń językowych, aby wyrazić ich ocenę. Autorzy artykułu wychodzą z założenia, że ekspresyjność, emocje i emocjonalna ocena dają się określić w sposób systematyczny. W konsekwencji więc autorzy identyfikują cechy emocjonalnie nacechowanej leksyki, które powinny być uwzględnione przy opisie leksykograficznym oraz aplikowane do przekładu maszynowego. Artykuł stwarza podstawy do kontrastywnej analizy wartościującej leksyki oraz proponuje kontrastywną analizę jednostek leksykalnych w języku rosyjskim i hiszpańskim, która uwzględni negatywne i pozytywne wartościowanie obiektów i zdarzeń.